

Федеральное агентство по образованию
Смоленский государственный педагогический университет

ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА

Материалы международной научно-практической конференции
21 – 23 марта 2005 года, г. Смоленск

Под общей редакцией доктора филологических наук,
профессора Л.М. Нюбиной

В двух частях

Смоленск
2005

ЧАСТЬ 2

СЕМАНТИКА. СТИЛИСТИКА. ТЕКСТ

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЯЗЫКА

КУЛЬТУРА И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

ВОПРОСЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Смоленск
2005

**О ПРИЧИНАХ НЕПОЛНОЙ АДАПТАЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ****(на материале французской и русской прозы)**

Изучение принципов, на которых зиждется межкультурное общение, позволяет выделить причины и пути преодоления коммуникативного шока, возникающего в процессе косвенной коммуникации при осознании читателем резкого расхождения материального или духовного уровня собственной культуры и культуры народа, отраженной в художественном произведении. Под косвенной коммуникацией мы понимаем коммуникацию, которая носит односторонний характер; информационными источниками являются художественные тексты, в процессе перекодировки которых инокультурные реалии адаптируются к восприятию иноязычного реципиента.

Адаптация литературно-художественных текстов основана на результатах непрерывного процесса взаимообогащения культур, который происходит в ходе их исторического сосуществования. По мнению Ю.М. Лотмана, «процесс взаимного обогащения и ознакомления, включения в некоторый общий культурный мир вызывает не только сближение отдельных культур, но и их специализацию» [1]. Изучением взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в их функционировании как целостной структуры единиц в единстве языкового и внеязыкового (культурного) содержания занята лингвокультурология как комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, являющаяся продуктом антропоцентрической парадигмы в лингвистике. Известно, что языковые знаки способны выполнять функцию «языка» культуры, так как язык способен выражать культурно-национальную ментальность его носителей. Под ментальностью мы понимаем мирозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Подчеркнем, что воззрения на ментальность в западноевропейской и в восточнославянской культурных традициях заметно отличаются.

Так, в западноевропейской культурной традиции под ментальностью понимают особый склад мышления, тогда как в восточнославянской культурной традиции ментальность включает в себя, помимо особого характера миропонимания, особенности мироощущения, чувственно-образного отражения мира, что обусловлено тем, что язык служит средством накопления и хранения культурно-значимой информации, в ряде язы-

ковых единиц которого эта информация имплицитна и скрыта вековыми трансформациями для современного носителя языка.

Язык и культура тесно связаны с помощью некоторого промежуточного образования, которое идеально реализуется в языке как значение. Вслед за В.А. Масловой мы считаем, что этот промежуточный элемент обеспечивает онтологическое единство языка и культуры и представляет собой нечто идеальное, входящее в язык в виде значения языковых знаков и существующее в культуре как в форме предметов культуры, то есть в опредмеченной форме, так и в деятельностной форме, то есть в форме деятельности, в образе результата деятельности [2, с. 54].

Исследования показывают, что язык и культура имеют много сходных и различных структурных черт. Связь между языком и культурой определяется онтологически, так как и язык, и культура являются результатом творческой ментальной деятельности человека. Сфера языка шире по возможностям сферы реального многообразия в мире и в обществе, что предопределено широтой ментальности человека, способностью к проявлению абстрактного, релятивного плана, не отражающего факты реального мира, и что находит отображение в языке как среде культурного пребывания носителей языка [3, с. 228].

Язык и культура являются различными семиотическими системами, но структурно культура подобна языку. Язык — это открытая знаковая система, способная к неограниченному развитию во взаимосвязи с культурой, поэтому границы языковой картины мира включают духовный мир культуры. Под **языковой картиной мира** понимаем совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе его развития; мышление народа не опосредуется его языком — оно выражается, фиксируется, номинируется языком [4, с. 5].

Несмотря на то, что языковая картина мира предстает в сознании языковой личности как результат и является совокупностью определенных правил концептуализации и конкретизации мира, унаследованной индивидом вместе с языком, она представляет собой продукт непрекращающейся креативной деятельности каждого говорящего в ходе прямой коммуникации или чтения литературно-художественного текста (при косвенной коммуникации).

Языковая картина мира выступает в качестве проводника в процессе коммуникации личности с окружающей средой, объективно отражая восприятие мира носителями той или иной культуры. Структура картины мира, как известно, во многом определена принципом систематизации объектов, ее составляющих. По мнению В.Б. Касевича, картина мира, за-

кодированная средствами языковой семантики, со временем может оказываться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария; с помощью последнего создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом [5], в результате чего возникают расхождения между архаической семантической системой языка, с одной стороны, и актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива, — с другой, что проявляется в порождаемых им текстах, а также в закономерностях его поведения.

Наблюдение картины мира в динамике осуществляется при социально-динамическом изучении взаимодействия культур. Социально-динамический подход в исследовании предполагает, что картина мира находится в непрерывном движении. Динамическим фактором является уровень языковой, культурной компетентности, которая отражает картину мира через индивидуальное восприятие и язык. Отличия языковых картин мира, возникающих в сознании различных народов, проявляются в особенностях лексической семантики и грамматической структуры национальных языков.

При перекодировке художественных текстов переводчик не заменяет одну языковую картину другой, эти картины наслаиваются, совмещаются. Культурологическая относительность языковой картины мира проявляется в вариативности форм и категоризации системы значений. Компоненты, составляющие данную систему, отражают специфику жизнедеятельности и культуры социальной и национальной общности, описываемой в тексте [6, с. 34].

Языковая картина народа проявляется в реалиях: понятиях, связанных с бытом и мировоззрением создавшего их общества. Реалии придают национальный колорит произведению. Перекодировка национальных языковых реалий решает вопрос передачи исторического и культурного своеобразия информации, заложенной в тексте оригинала на иной язык, поэтому исследование национально-культурной специфики значений языковых единиц позволяет рассматривать соотношение и взаимодействие понятий отдельной культуры с общечеловеческой.

Преодоление различий в культуре народов возможно на основе общечеловеческого бытийного базиса. Его наличие свидетельствует о взаимопроникновении, взаимообогащении культур разных народов в процессе коммуникации. Существование общечеловеческого бытийного базиса позволяет передать лингвокультурологически обусловленную информацию оригинала в тексте перевода, то есть адаптировать ее к воспри-

ятию иноязычного реципиента. Так как языковой знак и социальная ситуация неразрывно связаны друг с другом, то языковой знак не может быть отдален от социальной среды без изменения его семиотического значения, поэтому адаптация инокультурных реалий к восприятию иноязычного реципиента представляет собой многоаспектный процесс, основанный на явлении симметрии/асимметрии языкового знака.

Асимметрия в функционировании знака проявляется в нерегулярности использования языковых форм для выражения одного и того же значения или для выражения разных значений [7]. Функциональная асимметрия знака сходна с парадигматической полисемией, но не идентична ей, так как в процессе функционирования реализуются значения, не предусмотренные парадигматическим значением форм.

Асимметрия планов языкового знака, отражающего культурологическую информацию на исходном языке и переводном, проявляется при несходстве явлений или их наименований в двух культурах. Асимметрия системы проявляется в неравномерности развития ее аналогичных звеньев – языковых знаков. Асимметрия форм и содержания языкового знака проявляется в *синтагматическом, парадигматическом и семиотическом* аспектах и обнаруживается на всех уровнях, где имеются двуязычные единицы:

- **семиотический аспект** – асимметрия знака проявляется в отсутствии одного из компонентов знакового отношения обозначаемого или обозначающего в одной из культур народов, на языках которых созданы сопоставляемые в исследовании произведения;

- **парадигматический аспект** – асимметрия языкового знака возникает при переводе культурем в том случае, когда обозначаемое или обозначающее присутствует в двух культурах, но на одном из уровней знаковых отношений существует различие;

- **синтагматический аспект** – асимметрия основана на том, что предметный ряд в своей континуальности (термин по В.Г. Гаку) делится по-разному в двух социумах. Два смежных явления, составляющих часть одного процесса, могут обозначаться словом-термином в языке одного народа и разными наименованиями в языке другого народа [8, с. 146 – 150].

Проследим асимметрию культурем (культурема – совокупность трех компонентов: плана содержания, плана выражения знака и реалии-предмета, отражаемой языковым знаком), традиционного быта только в семиотическом и парадигматическом аспектах по следующим направлениям:

ший в деревнях Франции до середины девятнадцатого века. Праздник ландышей отмечался в первое воскресенье мая. Жители нескольких соседних деревень отправлялись за ландышами в лес и возвращались к ночи. На следующий день они украшали ландышами окна домов, камин, столы. Все парни и девушки имели при себе букетики из ландышей, которыми обменивались в знак согласия танцевать весь вечер вместе. Если обратиться к истокам возникновения этого праздника, то обнаруживаем, что в древние времена букетики имели более глубокое значение: они выражали согласие молодых людей вступить в брак, поэтому праздник завершался объявлением о бракосочетании [17, с. 424].

2.2. Симметричная передача плана содержания и асимметричная передача плана выражения

В ряде случаев симметричная передача плана содержания знака приводит к асимметрии плана выражения, когда переводчик употребляет адекватный или эквивалентный способы перевода. Приведем примеры адекватного перевода названия причесок, когда прослеживается явление симметрии плана содержания и асимметрии плана выражения перекодированного знака: *Coiffure Agnès Sorel* – прическа “а ля Агнес Сорель” [17, с. 214]. Рассматриваемая культура отражает название прически, характерной для моды 40-х гг. XIX в. во Франции. Эта прическа предназначалась для балов и театра и выглядела следующим образом: волосы разделялись прямым пробором, обе половины гладко зачесывались, на затылке укладывался объемный пучок и узел из жгута и кос. Декорировалась прическа лентой в цвет туалета. Название прически получила в честь Агнес Сорель, фаворитки короля Карла VII.

Сопоставительные исследования планов содержания и выражения культуром оригинала и перевода выявляют также примеры эквивалентной перекодировки названия прически: “*enfant d'Edourd*” [18, с. 77] – “челка на лбу с локонами до плеч” [19, с. 89]. В процессе перевода переводчик подобрал описательный эквивалент к транслему “*enfant d'Edourd*” – “челка на лбу с локонами до плеч”, что позволило адаптировать ее смысл к восприятию русскоязычным читателем.

2.3. Асимметричная передача планов содержания и выражения культуром

Сопоставительные исследования текстов выявляют высокую частотность асимметричной передачи как плана содержания, так и плана выражения знака. Рассмотрим следующий пример: ...Иногда вотчим приходил ко мне в черные сени; там под лестницей на чердаках я спал” [20, с. 466-467]. *Quelquefois, il me rejoignait dans le corridor, je couchais sous l'escalier du grenier* ” [21, с. 258]. Культурема оригинала “черные сени”

обозначает комнату, которая следует сразу же за входной дверью, эта комната без окон и никогда не отапливается, тогда как переводной вариант транслемы *'le corridor'* в восприятии французского читателя имеет другой смысловой оттенок – часть помещения, через которую проходят в другие комнаты, поэтому герой в переводном произведении живет в иных, более “удобных”, условиях по сравнению с героем из оригинального произведения, что искажает действительность, воспринимаемую читателем-французом в произведении М. Горького.

3. Асимметрия культурем в парадигматическом аспекте

Исследование путей передачи культурологически обусловленной лексики оригинала на переводной язык выявляет наличие асимметричной перекодировки их плана выражения: *И бабы рассказывают, как они сами видели домовых* [22, с. 55] – *Nos paysannes vous diront aussi qu'elles ont vu le "domovoï"* [23, с. 62]. Культурема оригинала “домовые” употреблена во множественном числе, тогда как на французский язык она переведена лексемой в единственном языке – “domovoï”: прием транспозиции грамматических категорий. План выражения культуремы транслитерирован в процессе адаптации ее плана выражения к восприятию французским читателем, более того, переводчиком дается в тексте поясняющая сноска: *“Dans les traditions populaires, le domovoï désigne l'esprit du logis; c'est une des sortes de dieu lare, d'ordinaire favorable”*. Оправдано ли употребление приема транслитерации плана выражения рассматриваемой культуремы при переводе, ведь во французском языке существует эквивалентная ей лексема “un lutin” (домовой), которая употреблена другим переводчиком Жаном Лубе при переводе пушкинских строк в книге М. Горького “В людях”:

*Домового ли хоронят,
Ведьму замуж выдают* [20, с. 80].

*'Peut-on enterrer un lutin?
Peut-on épouser une sorcière?'* [21, с. 272].

Но этот же переводчик в другом отрывке цитируемого произведения адаптирует рассматриваемую культурему к восприятию французского читателя, трансформируя план выражения знака, употребив множественное число вместо единственного: *домовой* – ‘aux lutins’, что привело к асимметрии в передаче плана выражения транслемы: ... он напоминает *домового* – такой же маленький, встрепанный [20, с. 242]. – *'Il me fait penser aux lutins'* [21, с. 51].

Подобное разнообразие в переводе рассматриваемой лексемы свидетельствует о неоднозначности восприятия реалии в культурах французского и русского народов, а соответственно, и в языках. В словаре В.И. Даля находим: *“Домовой, дедушка, постель, ... дух хранитель и обидчик дома, стучит и возится по ночам, проказит, душит, ради шутки, сонного, гладит мохнатую рукою...”* [24, Т. 1, с. 466].

Таким образом, сравнительный анализ текстов на французском и русском языках выявляет следующие причины неполной адаптации языковой картины мира оригинала при переводе: преобладание асимметрии культур в семиотическом аспекте, тогда как асимметрия культур в парадигматическом аспекте проявляется крайне редко. При переводе лексем, отражающих реалии традиционного быта, план выражения знаков передается как симметрично путем применения приема транслитерации, так и асимметрично – путем применения транспозиции грамматических категорий, транспозиции частей речи, что обусловлено стремлением переводчика к симметричной передаче плана содержания культурологически обусловленной лексики.

Библиография

1. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр “Академия”, 2001.
3. Кобрина Н.А. Язык как среда культурного обитания его носителей // Филология и культура: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. 16-18 апреля 2003 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол.: Е.С. Кубрякова, Т.А. Фесенко и др. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. С. 228-231.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Изд-во “Истоки”, 2002.
5. Касевич В.Б. Культурно-обусловленные различия в структурах языка и дискурса // XVI Congries International des Linguistes. Paris, 1997.
6. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: Учебное пособие. Смоленск: СГУ, 1997.
7. Минкин Л.М. Синтаксическая симметрия/асимметрия и языковая природа предложения // Прагматическая и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц. Краснодар: Кубанский ун-т, 1987. С. 34-37.
8. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1998.

9. Пастернак Б.А. Доктор Живаго: Роман. М.: Сов. Россия, 1989.
10. Pasternak B. Le docteur Jivago. P.: Edition Gallimard, 1986.
11. Набоков В. Защита Лужина // Собр. соч.: В 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 2.
12. Nabokov V. La defense Loujine. Paris: Gallimard, 1991.
13. Булгаков М. Мастер и Маргарита. М.: Художественная литература, 1988.
14. Boulgakov M. Le Maître et Marguerite. Paris: Laffont, 1968.
15. Гроссман В. Несколько печальных дней: Повести и рассказы / Вступ. ст. Л.И. Лазарева. В городе Бердичеве. М.: Современник, 1989. С. 48-63.
16. Grossman. V. La route. Dans la ville de Berditchev / Traduit du russe par Bassia Rabinovici et Cirinne Fournier preface par Simon Markish Domaine étranger dirigé par Jeane Claude Lyiberstein Julliard l'âge de l'homme, 1987. P. 13-35
17. Франция. Лингвострановедческий словарь. 7000 единиц / Под ред. д. ф. н. проф. Л.Г. Ведениной. М.: Интердиалект+ АМТ, 1997.
18. Мориак Ф. Клубок змей / Пер. с фр. Н. Немчиновой. М., 1957.
19. Moriac F. Le noeud de vupère. M.: Progress, 1975.
20. Горький М. Собрание сочинений: В 2 т. М.: Полиграфресурсы, 2000. Т II: В людях. С. 207-527.
21. Gorki M. En gagnant mon pain (traduit du russe par Jean Loubes). Paris: Editions Fournier, 1946.
22. Толстой Л. Анна Каренина. М.: Советская Россия.
23. Tolstoï L. Anna Karénine / Tr. du russe par Sylvie Luneau. Paris: Éditions Gallimard, 1952.
24. Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка: В 4 т. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955, 1956; Русский язык, 1999.